

ОТ РЕДАКЦИИ

Под самые новогодние праздники к нам пришло письмо из Ивановской области от Анатолия Брусникина. Вот лишь маленький отрывок из него.

«Уважаемые редактора! В нашей стране произошла диверсия! Нам — а именно мне — власть имущие подсовывают современных так называемых писателей, читать которых не только невозможно, а даже вредно. У нас в Ивановской области в дышащих на ладан книжных магазинах все какое-то нерусское, словно пишущий и не знает нашего родного языка. Все какие-то захары, лилицкие, скунины — кто их, к черту, разберет, как писал Владимир Владимирович. А тут случайно сосед принес мне давнюю «Юность». В ней ученая дама

Михайлова рассказывает, что есть, оказывается, второстепенные писатели прошлого, которых тщательно от нас скрывает государство. Ученым виднее! Вот бы и мне таких писателей найти! Выписал ваш журнал. Может, вы кого из таких напечатаете? Буду ждать».

Что тут скажешь?! Мы лучше Вам, уважаемый Анатолий, и всем нашим читателям представим новогодний подарок. Особенно наш подарок заинтересует молодежь. Это роман выдающегося русского повествователя и мыслителя Евгения Николаевича Чирикова. Пока лишь начало, в течение следующего года — продолжение. Публикуется впервые. Начинайте читать прямо в новогоднюю ночь!

Имя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932) уже знакомо читателям «Юности». В 2010-м на страницах 10-го и 11-го номеров журнала были напечатаны две его повести: «Мстители» и «Да святится имя Твое». Но писатель оставил огромное литературное наследство, судьба которого сложилась непросто. И об этом вновь хочется напомнить.

Чириков был одним из популярнейших литераторов своего времени. Его произведения — будь то газетные фельетоны или романы — были широко известны как в российских столицах, так и в провинции, пьесы шли на сценах многих театров (в том числе МХТ, некоторые с успехом ставились за границей). И это потому, что он как писатель ярко выраженной демократической ориентации запечатлел в девяностые годы XIX века трагический перелом в общественном умонастроении: измельчание и «устаревание» народнической идеологии, смену ее «новыми настроениями», назревание протеста, бунт «униженных и оскорбленных» низов, моральное разложение сильных мира сего. В 1901–1909 годах в издательстве «Знание» вышло собрание сочинений Чирикова в восьми томах, на страницах одноименных сборников регулярно появлялись его произведения, а в 1910–1916 годах Московское книгоиздательство выпустило уже семнадцатитомное собрание его сочинений. Однако в советскую эпоху имя писателя, не принявшего октябрь 1917-го и покинувшего Россию (примечательно, что Чириков называл себя именно «изгнанником земли русской», а не

эмигрантом), замалчивалось, его книги не издавались. Только в 1961 году его потомкам разрешили вернуться из эмиграции. Тогда же появилось переиздание нескольких ранних произведений писателя. Об эмигрантском же периоде жизни и творчества Чирикова русскому читателю долгие годы было ничего неизвестно, поскольку все тексты, созданные им в изгнании, рассматривались как антисоветские и идеологически враждебные. Возможность получить полное представление о масштабе личности писателя появилась только в последние годы, когда началось возвращение наследия Чирикова.

Особое место среди «вновь прочитываемых» сегодня произведений художника занимает цикл автобиографических романов о формировании писательской личности — «Юность» (1911), «Изгнание» (1913) и «Возвращение» (1914), составивших вместе с вышедшей уже в эмиграции в 1924 году последней частью «Семья» тетралогию «Жизнь Тарханова» (по имени главного героя — Геннадия Тарханова).

Вопрос о выборе призвания, этапах духовного развития творца, писательском долге и праве на свободу творчества был чрезвычайно важен для Чирикова, принимавшего в свое время самое непосредственное участие в общественном движении и знакомого со многими политическими деятелями, представлявшими разные партии и направления. Потребность оглянуться на пройденный жизненный путь и осмыслить свое место в мире явилась результатом пережитого им в конце 1900-х годов мировоззренческого кризиса. Произошедший внутренний переворот был обуслов-

лен разочарованием писателя в революционных убеждениях молодости, что повлекло разрыв с прежним кругом единомышленников.

Пересмотр идейных взглядов подтолкнул Чирикова к своеобразному подведению итогов первой половины жизни, воплотившемуся в художественной форме. Как и его создатель, герой тетралогии «Жизнь Тарханова» Геннадий чувствует себя словно на перепутье: разочаровавшись в народничестве и в марксизме, он так и не смог найти для себя новых идеалов, нового источника вдохновения, не чувствует в себе силы к сопротивлению общественным порядкам. Но, отказавшись от непосредственно революционной деятельности, он считает, что может продолжить помогать людям на писательском поприще, поскольку в литературном труде ценит в первую очередь общественный потенциал.

В первой части тетралогии — романе «Юность» — Чириков опирается на заветы Л. Н. Толстого (на это указывает и заглавие). В нем повествование ведется от первого лица, что указывает на явную автобиографичность произведения. И это придает психологическому рисунку особую выразительность и эмоциональность. Но при этом писатель стремится и к максимальной объективности, поэтому сознательно создает ситуации, когда особенно ярко проявляются отрицательные качества юного Геннадия (самолюбование, самообольщение и т. п.). И одним из главных испытаний, которое заставляет ярче всего проявиться характеру героя, становится испытание любовью. И здесь уже нельзя не вспомнить о традициях И. С. Тургенева, которым тоже следует автор. Конечно, бури в душе Геннадия напоминают муки главного героя из повести Тургенева «Первая любовь». А поскольку за сердце героя борются две женщины — светлая и чистая Зоя (напомним, что в переводе с греческого Зоя означает «жизнь») и взбалмошная, непостоянная Калерия, — то невольно вспоминаются такие произведения Тургенева, как «Вешние воды», «Дым».

Но если Тургенев все свое внимание сосредотачивал на любовном конфликте и противоборстве чувств, то Чириков усложняет коллизию. И главной темой «Юности» становится переплетение и соперничество в душе героя двух влюбленностей: в женщину и революцию (сегодня это можно прочитать и несколько под иным углом — как желание реализоваться в социуме вообще!). Обе «любви», как кажется, равноценны для Тарханова, но напряженная борьба между «чувством» и «долгом» с момента первой встречи с «девушкой с золотыми косами» ни на секунду не прекращается в его сердце. В конце концов, любовь к Зое побежда-

ет революционный пыл, что способствует пробуждению вдохновения в его душе. Не забудем, что к моменту написания этого произведения Чириков уже распрощался с иллюзиями по переустройству мира и целенаправленно формировал себя как писателя общегуманистического направления, занятого нравственными вопросами.

Поэтому и следующих частях тетралогии автор продолжает рисовать параболу изменений в сознании и настроениях своего героя, который несмотря на многочисленные любовные перипетии по-прежнему остается верен нравственному долгу и даже предпочитает в итоге семейные ценности писательскому призванию и славе.

Трактовка места писателя в общественной и частной жизни, предложенная Чириковым, по-своему уникальна. В ряду «традиционных» мемуарно-автобиографических сочинений «Жизнь Тарханова» стоит особняком, поскольку С. Т. Аксаков («Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука»), Н. М. Грин-Михайловский («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»), Л. Н. Толстой («Детство», «Отрочество», «Юность»), В. Г. Короленко («История моего современника»), М. Горький («Детство», «В людях», «Мои университеты») и другие авторы в своих произведениях были сосредоточены исключительно на изображении человеческой судьбы в самом широком жизненном контексте. Образ же писателя, в силу своего дара напряженнее и острее переживающего действительность, воспринимающего исторические перипетии как личную судьбу, впервые появился лишь в романной тетралогии Чирикова. И в этом отношении она предварила бунинскую «Жизнь Арсеньева», в которой как раз и была представлена попытка показать писателя исключительно как художника, до которого только эхом доносятся «социальные» раскаты. В определенной мере «Жизнь Тарханова» предвосхитила и появление в русской литературе конца 1920-х — начала 1930-х годов «романа о художнике», где предметом осмысления и изображения стала атмосфера духовного и культурного формирования его личности, момент обретения себя как писателя, «муки творчества». И опять же показанный в заключающей тетралогии романе «Семья» мучительный отказ от дела своей жизни во имя сохранения и упрочения семьи, разочарование в избранном пути демонстрируют оригинальность подхода Чирикова к перечисленным выше проблемам. И может быть, поэтому актуальность этого романа сегодня, во время разрушения устоявшихся семейных ценностей, ощущается острее, чем в период написания...

Анастасия Назарова и Мария Михайлова

Nota bene

Союз непримиримых:
А. Назарова и М. Михайлова

Анастасия Назарова — кандидат филологических наук, специалист по наследию Евгения Чирикова, сотрудник кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, автор более тридцати статей.

Мария Михайлова — доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. Цель своей жизни видела и видит в восстановлении памяти о незаслуженно забытых русских и зарубежных писателях второй половины XIX — первой трети XX века, републикации их произведений. Автор предисловий, комментариев и составитель книг М. Криницкого, Е. А. Нагродской, Е. Н. Чирикова, Г. И. Чулкова и др.